

В их орбиту наверняка будут вовлечены родственники, знакомые. Такое решение было бы справедливым и способствовало сохранению привычной жизни и одновременно своеобразия уйльта (ороков) Сахалина.

Рассмотренный выше труд молодого ученого, несмотря на отдельные недостатки, достоин самой высокой оценки. На наш взгляд, Т.П. Роон права, настойчиво отстаивая свое мнение о глубоких древних корнях культуры ороков (уйльта). Исследования представителей смежных наук, археологов и лингвистов (в частности, труды В.И. Цинциус и др.) и в дальнейшем при изучении проблем этногенеза будут играть важнейшую роль. В монографии 1984 г. А.В. Смоляк по возможности был выявлен наиболее древний пласт в культуре народов Нижнего Амура. Т.П. Роон, думается, и в дальнейшей работе будет искать и найдет немало следов этой древней, ушедшей в прошлое культуры, покажет различные этапы ее исторического развития.

Примечания

¹ Штернберг Л.Я. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1993. С. 8.

² Цинциус В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. 1975. С. 573.

³ Миссонова Л.И. Межэтнические отношения на Сахалине: влияние этнической среды на трансформацию малочисленного этноса // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 94.

⁴ Смоляк А.В. Южные ороки // Сов. этнография (далее – СЭ). 1965. № 1; *ее же*. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М., 1984. С. 111.

⁵ Смоляк А.В. Традиционное хозяйство... С. 113.

⁶ Смоляк А.В. Традиционное хозяйство... С. 167–170, 223 и др.

⁷ Смоляк А.В. Состав, расселение и происхождение ульчских родов // Тр. Ин-та этнографии. 1963. Т. 84.

⁸ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. М., 1975; *ее же*. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

⁹ Смоляк А.В. Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района // Тр. Ин-та этнографии. 1957. Т. 35. С. 3–37.

А.В. Смоляк, А.А. Сирина

© 1997 г., ЭО, № 6

R. В г u b a k e r. *Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe.* Cambridge University Press, 1996. 202 p.

Дезинтеграция СССР и Югославии и серия затяжных конфликтов, обычно (хотя зачастую неправомерно) квалифицируемых как межэтнические, по крайней мере количественно получили адекватное отражение в научной литературе. Но одновременно стало достаточно очевидным, что популярные интерпретации этничности и национализма скорее запутывают, нежели объясняют суть исследуемых явлений и процессов. В пользу вывода о неадекватности концептуальных подходов косвенно свидетельствует тот факт, что историко-политологическое описание конкретных конфликтов и ситуаций в большинстве случаев выглядит более убедительно, чем попытки редукционистских интерпретаций, обычно сводящих суть проблемы либо к социально-экономическим факторам, либо к действиям «элит», опять-таки преследующих свои социально-экономические цели. Не добавляет убедительности редукционистским концепциям морализующие и оценочные суждения о ложном сознании, иррационализме массового поведения, этнократиях, провинциальной ограниченности этнических элит и т.п. Наконец, в популярных теоретических подходах явно просматривается убежденность исследователей в том, что в посткоммунистических странах изначально все складывалось как бы «неправильно», уклоняясь от образцовых западноевропейского и американского стандартов, органически соединяющих демократию, гражданское общество и оптимальную модель нации-государства. Намеки на девиантные пути развития по существу равноценны признанию того, что этнополитология как отрасль знания не может претендовать на научный статус, и этнополитические процессы должны исследоваться исключительно в рамках других наук – истории, социологии, экономической географии и политологии.

Сказанное никоим образом не означает, что во внушительном корпусе теоретических и региональных этнополитических исследований нет интересных гипотез и оригинальных мыслей. Но все эти частные открытия вместе взятые не создают нового подхода к исследованию национализма и этнополитических процессов. Рецензируемая книга профессора Калифорнийского университета (г. Сан-Диего, США) Роджера Брубейкера, составленная из его публикаций в различных журналах, выгодно выделяется на этом

общем фоне. Как явствует из ее названия, автор поставил своей целью амбициозную задачу – пересмотреть подход к национализму. Достоин удивления не научная смелость исследователя (это не такая уж редкость), а тот факт, что ему удалось это сделать, причем используя в качестве основного «строительного материала» преимущественно апробированные и не вызывающие особых разночтений блоки. Можно даже сказать, что новый подход как бы назревал, и многие исследователи могли бы претендовать на роль соавторов, поскольку их работы в той или иной степени предвосхищали аналитическую схему калифорнийского профессора. Но несомненная заслуга Брубейкера в том, что он свел отдельные элементы в обобщающую модель «триадических связей» (triadic nexus). Углы треугольника («поля» по терминологии Брубейкера) изображают взаимообусловленные взаимно антагонистические национализмы, возникающие под воздействием разнообразных внутренних сил. Механизм взаимодействия раскрыт автором в различных главах на материале Югославии, межвоенной Польши, Веймарской Германии и постсоветской России. Учитывая новизну подхода и недоступность книги многих читателей, представляется целесообразным изложить основные ее положения максимально близко к авторскому тексту.

Первое поле – «национализирующий национализм» новых независимых (или преобразованных) государств вполне вписывается в понятие государственного национализма, хорошо известного нам еще по советской востоковедческой литературе. Автор пишет: «Национализирующим национализмам присущи требования от имени титульной нации или национальности, определяемой в этнокультурных категориях и резко отличаемой от всей совокупности граждан. Нация-ядро (core nation) понимается как законный "владелец" государства, которому государство принадлежит и для которого оно существует. Но несмотря на это обладание "собственным" государством, нация-ядро видится в непрочном культурном, экономическом или демографическом положении. Полагается, что это слабое положение, воспринимаемое как следствие дискриминации нации до достижения ею независимости, оправдывает «компенсационный» проект использования государственной власти для защиты специфических (и ранее неудовлетворенных) интересов нации-ядра» (с. 5).

Этому национализму противостоит «соотечественный национализм» (homeland nationalism) «внешних национальных отечеств», т.е. стран, чьи «этнофоры» или диаспоры составляют национальное меньшинство в данном «национализирующемся» государстве. Брубейкер характеризует его следующим образом: «Соотечественные национализмы утверждают право и, скорее, даже обязанность государства следить за положением, повышать благосостояние, поддерживать деятельность и институты, отстаивать права и защищать интересы этнических "соотечественников" в других государствах... В ответ на характерные утверждения национализирующихся государств о том, что статус меньшинств – это сугубо внутреннее дело, государства-"отечества" настаивают, что их права и ответственность по отношению к этнонациональным сородичам не зависят от территориальных границ и гражданства. В этом смысле "отечество" – это политическая, а не этнографическая категория. Государство становится внешним национальным отечеством, когда культурные или политические элиты начинают воспринимать определенных жителей и граждан других стран как членов единой нации, разделенной границами, и когда они начинают утверждать, что общая национальность делает государство ответственным, в определенном смысле, не только за своих граждан, но и за этнических сородичей, проживающих в других странах и обладающих другим гражданством» (с. 5).

Между этими двумя взаимно антагонистическими национализмами располагается национализм национальных меньшинств. Брубейкер особо подчеркивает, что такие меньшинства – не этнодемографический факт, а политическая установка. Она обусловлена самовосприятием меньшинств в «национальных», а не просто «этнических» категориях, и порождает требования признания государством меньшинства как особой этнокультурной национальности, включая предоставление определенных коллективных, основанных на национальности, культурных или политических прав. Автор отмечает, что несмотря на общую оппозицию по отношению к национализирующемуся государству, национализмы меньшинств и национализмы отечеств не обязательно находятся в гармоничном союзе. «Несовмещение особенно вероятно, когда отечественные национализмы приспособляются государствами-отечествами для достижения иных, не националистических политических целей; в таких случаях этнические соотечественники могут неожиданно оставить на произвол судьбы, когда, например, это соответствует геополитическим целям» (с. 6). Но важно подчеркнуть, что в любом случае этнические («национальные», по терминологии Брубейкера) меньшинства в данной схеме активно функционируют в качестве одного из трех полей и отнюдь не выполняют роль пешек, как это иногда представляется в диадической схеме взаимодействия. Едва ли можно сомневаться в преимуществах триадической модели: даже самый неискушенный или политически ангажированный исследователь будет просто вынужден проявить меру объективности, разбирая перипетии этнополитического противоборства в Хорватии, Боснии, Приднестровье, Абхазии или в Крыму.

Автор считает свой подход к «национальному вопросу» последовательно и радикально реляционным. Он справедливо подчеркивает, что при анализе взаимоотношений в триаде национальное меньшинство, национализирующееся государство и национальное отечество следует рассматривать не как данность,

неделимые аналитические целостности, а скорее как поля дифференцированных и соперничающих позиций, арены борьбы между соперничающими восприятиями. «Поэтому триадические отношения между этими тремя "элементами" суть *отношения между реляционными полями*; в свою очередь отношения *между* этими полями тесно взаимосвязаны с *внутренними* отношениями, *формирующими* эти поля» (с. 67–68).

Центральным аспектом этого треугольника отношений автор считает «взаимный межполевой мониторинг: акторы в каждом поле бдительно и постоянно следят за отношениями и действиями в каждом из остальных двух полей» (с. 68). При этом речь идет не о пассивной фиксации или регистрации событий в соседних полях, а об «избирательном наблюдении, интерпретации и репрезентации». Нередко для мониторинга характерна «репрезентационная борьба» и соперничество или столкновение между различными силами в данном поле по поводу интерпретации событий в другом поле: борьба за мобилизацию меньшинства может быть связана с борьбой за представление страны проживания как национализирующегося или угнетающего государства и наоборот, сторонники национализации могут стремиться представить меньшинство как реально или потенциально нелояльное, а их историческую родину – как реально или потенциально ирредентистское государство (с. 68).

Сформулированный подход использован автором при анализе конкретных ситуаций.

Национализирующий польский национализм в межвоенный период воспринимал Польшу как государство, созданное поляками для поляков, преодолевая при этом сопротивление немецкого, украинского, еврейского и других меньшинств. Но политика национализации была крайне дифференцированной: немцы, даже получившие польское гражданство, не приобретали польской национальности, и государство не пыталось (да и не могло) ассимилировать мобилизованное, отличающееся интенсивным осознанием своей «этнокультурной национальности» немецкое меньшинство. Более того, не предпринималось никаких попыток политической ассимиляции, т.е. внедрения политической лояльности при сохранении культурной самобытности. Фактически политика сводилась к тому, чтобы вытеснить немцев, или, используя модный современный термин, осуществить этническую чистку (с. 88–90). Сходная политика проводилась по отношению к евреям, и лишь ограничения на иммиграцию, введенные британской администрацией Палестины, предотвратили массовый исход евреев. По отношению к украинцам и белорусам, наоборот, осуществлялась политика форсированной ассимиляции. Но культурные ограничения, интенсивная колонизация украинских и белорусских земель, отказ провести аграрную реформу (поскольку она означала бы экспроприацию крупных землевладельцев – поляков) и попытки обращения в католичество и униатство привели к обратному результату – росту антипольских настроений среди украинцев и белорусов.

Для российского читателя особый интерес представляет глава о соотечественном национализме в Веймарской Германии и «Веймарской России» (термин Р. Брубейкера). Автор отмечает, что германская политика по отношению к «соотечественникам» была преимущественно закулисной. Положение немцев «ближнего зарубежья» оживленно обсуждалось в прессе и изучалось в многочисленных институтах Ostforschung'a, но публичные официальные заявления были крайне редкими и выдерживались в осторожных тонах. В России же проблема «соотечественников» составляет важную часть официальной риторики, принята (август 1994 г.) даже особая программа – «Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». Брубейкер объясняет активную и жесткую политику России большей прозрачностью современных границ, а также тем фактом, что позиция Веймарской Германии по отношению к своему «ближнему зарубежью» была намного слабее, чем позиция России (с. 138–139). Он пишет в этой связи: «Публичная риторика соотечественного национализма хорошо соответствовала стремлению России укрепить гегемонистские позиции в ближнем зарубежье, не прибегая к территориальной инкорпорации. Соотечественный национализм по определению пересекает территориальные границы, он утверждает форму нетерриториальной юрисдикции над гражданами другого государства. Поэтому он может помочь установлению и легитимации экстерриториального влияния и контроля, к которому Россия стремится в ближнем зарубежье» (с. 140). Другая отличительная особенность, по мнению Брубейкера, заключается в том, что в России почти нет гражданского соотечественного национализма (в виде ассоциаций, клубов, землячеств и т.п.), и он связан прежде всего с внутренней борьбой за политическую власть. Наконец, обращает на себя внимание терминологический разнобой: группы, о которых идет речь, обозначаются пятью разными терминами (русские, россияне, русскоязычные, соотечественники, граждане). Автор полагает, что понятийный разнобой «позволяет России играть в различных регистрах и выдвигать многообразные и лишь частично совпадающие правовые требования в ближнем зарубежье» (с. 145).

Очевидно, суждения о гегемонистских устремлениях России нуждаются в существенных оговорках, хотя нельзя отрицать, что влиятельные политические силы выступают именно с таких позиций. Несомненно также, что резкие заявления и непоследовательность (например, отсутствие адекватной публичной реакции на убийства этнических русских в Таджикистане), включение вопроса в сугубо внутренние документы (например, в «Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации») способствуют

радикализации государственного национализма в странах «ближнего зарубежья», вызывают настороженность правительств, а в некоторых случаях (балтийские государства) служат одной из причин стремления укрыться от предполагаемой российской угрозы под зонтиком НАТО.

Брубойкер не проявляет оптимизма относительно возможности примирения национализма новых государств и меньшинств, и не случайно последняя глава отведена проблеме встречной миграции или репатриации в межвоенный период между государствами, возникшими на месте Османской и Габсбургской империй, переселению в ФРГ около 15 млн. этнических немцев после Второй мировой войны. Автор отмечает, что отток русских из Средней Азии и Закавказья, начавшийся за несколько десятилетий до распада СССР, будет продолжаться, поскольку преимущественно городское и не имеющее глубоких корней русское население сталкивается с «наибольшей неформальной враждебностью со стороны коренных национальностей» Центральной Азии (с. 175). Автор полагает, что репатриация примерно 3 млн. человек в принципе могла бы принести пользу России, но в нынешней ситуации она была бы для нее бременем и еще большие проблемы создала бы для стран Центральной Азии в связи с отсутствием местных промышленных кадров. Гипотетический исход этнических русских из Украины и Казахстана, по мнению Брубойкера, неминуемо привел бы к усилению радикального национализма в России и появлению требований о возврате «исторических русских» территорий (с. 178).

В книге нет заключения, подводящего итоги анализа различных типов национализма и их взаимодействия, поэтому остается не вполне ясным, можно ли говорить о национализме в единственном числе. Представляется, что ответ на этот вопрос должен быть скорее положительным. Национализм можно определить как идеологию и движение, выражающие и отстаивающие интересы общностей, претендующих на статус наций или национальных групп. Общим знаменателем выступает стремление к обеспечению оптимальных условий для сохранения и развития нации или национальной группы. Вполне естественно, что при этом различные социальные группы и политические фракции зачастую расходятся по вопросам стратегии и тактики, а также ранжировки приоритетов, и соответственно в каждом национализме можно обнаружить разнообразные политические течения от умеренно-либеральных до радикально-экстремистских. Борьба внутри «полей» триадической конфигурации не исключает (кроме случаев глубокого раскола общества) возможности широкого общественного консенсуса относительно основных национальных целей, ориентиров (культурная или территориальная автономия, гражданские права, достижение независимости, региональная интеграция) и ценностей. В этом смысле национализм характерен для всех наций, включая и так называемые гражданские. «Национальная» политика может быть очень разной, но противопоставлять так называемый гражданский (западноевропейский, американский) и этнический (центрально- и восточноевропейский) национализм нет достаточных оснований. Например, о каком национализме идет речь в пассаже из редакционной статьи в «*Naagsche Courant*» (4.11.1995): «У Нидерландов много, очень много такого, что заслуживает усилий, чтобы это сохранить. Достаточно упомянуть наш язык, нашу культуру, нашу электронику, наше государство всеобщего благоденствия, наше государственное устройство. У других все это не обязательно по определению хуже, чем в Нидерландах. Но нам лучше всего подходит наш образ жизни.» Где тут грань между этническим и гражданским национализмом? Слова те же, только одни националисты употребляют глаголы в настоящем времени, другие – в прошедшем и будущем.

На фоне подхода, несомненно содержащего солидный эвристический потенциал, несколько разочаровывает попытка жестко увязать триадическую формулу с постулатами конструктивизма. Нация – это не более чем «политическая фикция», «не целостность, а случайное событие» (contingent event, с. 16). С некоторым недоумением автор пишет: «Я не знаю последовательных аналитических обсуждений национальности (nationness) как события, как чего-то такого, что скорее внезапно кристаллизуется, нежели развивается постепенно, как вероятностная, конъюнктурно колеблющаяся и неустойчивая матрица видения, основа для индивидуального и коллективного действия, нежели относительно устойчивый продукт глубинных тенденций развития в экономике, политической системе или культуре» (с. 19). Если автор намеревался исправить положение, то непонятно, почему он называет «многонациональными» Габсбургскую, Российскую и Османскую империи (с. 35).

Фундаментальных работ, подтверждающих этот подход действительно нет – по той простой причине, что любой профессиональный историк, изучающий становление нации, а не только зарождение и развитие конкретного национализма как идеологии, этнокультурного и, позже, политического движения, неизбежно обнаруживает комплекс причин, обусловивших формирование данной нации. Не говоря уже об исследованиях советских и российских авторов, это убедительно подтверждают работы таких разных исследователей, как Энтони Смит, Лайя Гринфильд, Бенедикт Андерсен. Возможно в некоторых, довольно редких ситуациях случайность, а точнее, внешние факторы играли решающую роль в образовании нации, как это произошло с австронемцами, которым по Версальскому договору державы-победительницы не позволили объединиться с Германией. Но в целом исходный постулат конструктивистов об «изобретении» наций «элитами» не выдерживает никакой критики: тут и явное преувеличение роли классовых интересов групп, которые в марксисте именуется мелкой буржуазией, и возможной манипуляцией массовым сознанием. Но главный порок конструктивизма даже не в том, что он представляет собой по сути одну из

неомарксистских интерпретаций и носит на себе родовое пятно марксистского редукционизма, стремления свести сложные многоплановые явления к одной универсальной причине – корыстным интересам провинциальных интеллектуалов и политиков. Поверхностный характер суждений и гражданский пафос в построениях конструктивистов дают достаточно оснований, чтобы рассматривать конструктивизм как политическую идеологию транснационального сообщества. С точки зрения глобальной (а нередко и государственной) перспективы этнонационализм, естественно, воспринимается как нечто иррациональное, архаичное и достойное всяческого порицания. Если нация – артефакт или случайность, то в чем заключается закономерность, «естественный» и «правильный» путь развития? Что за общности «должны были» возникнуть вместо наций, если бы «естественный» процесс не испортили ретрограды-националисты? «Нациестроительная» активность этнических элит и национализм были наиболее доступной для наблюдения составной частью процесса, но отнюдь не первопричиной: националистические призывы, звучащие вполне современно, в средние века и первые столетия нового времени оказались непонятными, но в XVIII–XIX вв. (а в ряде стран только в XX в.) «националистический проект» в форме национальных «пробуждений» и «возрождений» в очень многих случаях, а в Европе практически повсеместно, свел на нет имперские и полиэтничные гражданские альтернативы. Достаточно очевидно, что националисты смогли «изобрести» нации лишь там и постольку, где и поскольку под воздействием ряда факторов происходил процесс формирования наций как современной формы этнических общностей.

В своем стремлении доказать несостоятельность агрессивного, достойного осуждения, национализма и близких к его мифологемам примордиалистских концепций, конструктивисты излишне категорично отрицают также всякую возможность субъектности и субстантивности наций. В нормальных условиях коллективные свойства этнонации не проявляются в виде каких-либо политических или иных решительных действий, реализуясь преимущественно в виде повседневных коммуникаций, хотя для внешнего наблюдателя этого уже достаточно, чтобы заметить отнюдь не фиктивный характер нации. Но можно привести сотни примеров коллективных действий и сплоченности конкретных наций в критических ситуациях, исход которых зависел скорее от реакций, ожиданий и политического поведения основной массы населения, нежели от действий элит. Нация реальна в такой же мере, в какой реальны гражданско-политическая и другие виды «воображаемых общностей», и едва ли правомерно рассматривать ее исключительно как *idee fixe* профессиональных националистов, в силу своих убеждений склонных чрезмерно субстантивировать нацию и игнорировать сложность ее структуры.

Сказанное по поводу конструктивистского подхода никоим образом не ставит под сомнение достоинств книги, в особенности эвристического потенциала «триады полей», сформулированной Р. Брубейкером и его анализа конкретных ситуаций. Скорее всего предложенный им аналитический подход переживет конструктивистскую доктрину.

А.А. Прагаускас

© 1997 г., ЭО, № 6

И.Л. Ба б и ч. Народные традиции кабардинцев в общественном быту. М., 1995. 128 с.

Трудно переоценить то влияние, которое продолжает оказывать традиционная культура на жизнь народов Северного Кавказа. Благодаря этому обстоятельству исследования, раскрывающие новые перспективы изучения традиционной культуры, представляют значительный интерес. Монография И.Л. Бабич посвящена одному из важнейших аспектов социальной и культурной истории кабардинцев – эволюции народных традиций в общественном быту. Изучение традиций особенно актуально в настоящее время, когда в Кабардино-Балкарии с необычайной силой пробуждается интерес к национальным истокам, стремление найти опору в незыблемых нравственных ценностях, воплощенных в традиционных нормах и институтах. Вполне закономерно желание общества понять и осознать – на каких принципах основывались взаимоотношения как между отдельными людьми, так и между различными их группами, какие нормы и установления обеспечивали устойчивость общественного организма в течение долгих веков. Не менее, если не более важен и другой вопрос – в каком направлении изменялись эти нормы и принципы, что было причиной этих изменений и какова дальнейшая перспектива их существования? Имеется целый комплекс вопросов в современном кабардиноведении, требующих глубокого осмысления.

На многие из этих вопросов читатель может найти ответы в монографии И.Л. Бабич. Поставив своей целью исследование четырех основных комплексов народных традиций кабардинцев (почитание старших, уважение к женщине, взаимопомощь, гостеприимство) автор стремится рассмотреть их во многом с новых позиций, с максимальной объективностью, представляя анализ их функционирования на протяжении XIX–XX вв. И.Л. Бабич сфокусировала свою работу на исследовании соотношения народных представлений о традиционных институтах и их реального функционирования в обществе. Реальное поведение людей